SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Мария Edgeworth) — английская писательница (1767–1849). Воспитанная отцом, ирландским помещиком и членом парламента, человеком оригинального ума, она выступила в литературе с «Essays on a practical education» (1798) и приобрела известность очерками ирландской жизни «Essay on Irish Bulls» (1802) и романом «Castle Rackrent» (1800). В 1804 г. ее «Belinda» и «Popular tales» вызвали общий интерес своей простотой, противоположной тогдашней модной манерности. В «Modern Griselda» (1805), «Leonora» (1806) и «Tales of fashionable» (1809 и 1812, 6 т.) она расширяет круг своих наблюдений, давая картины светской жизни; в «Patronage» (1814) изображает противоположность между зависимостью от знати и нравственной свободой, условленной трудом; в «Harrington» (1817) борется с предрассудками против евреев; в «Ormond» (1817) вновь возвращается к ирландской жизни; в «Helen» (1834, русский пер., СПб., 1835) изображает различные степени порока. Большой известностью пользовались ее детские рассказы: «Early lessons» (1822-25). Романы Э. имеют явно дидактическую тенденцию, но отличаются жизненностью и непосредственностью наблюдений. Чтение ее произведений привело Вальтера Скотта к мысли дать художественное изображение своей родной Шотландии. Потеряв в 1817 г. отца, Э. закончила его воспоминания («Memoirs of Richard Lowell Edgeworth», 1820).

- До завтра
  - ○

До завтра
(Повѣсть Англійской Писательницы Г-жи Эджевортъ.)

Давно уже я вознамѣрился писать исторію своей жизни, но до сихъ поръ еще не начиналъ, все откладывая до завтра; теперь непремѣнно хочу приняться. И такъ уже много потеряно откладываніемъ до завтра, у что надлежало сего дня сдѣлать.

Отецъ мой былъ человѣкъ ученый. Въ то самое время, когда я выходилъ на поприще жизни сей, онъ читалъ Біографическій Словарь. На статьѣ о Великомъ Василіѣ, пришли сказать ему о моемъ рожденіи. Отецъ мой воскликнулъ громогласно: «Василій Епископъ Кесарійскій, Ѳеологъ и Моралистъ, отличился полемическими сочиненіями! сынъ мой будетъ называться Василіемъ; надѣюсь, что онъ пойдетъ по слѣдамъ сего великаго Мужа, будетъ Писателемъ, а можетъ быть еще и Епископомъ.» При крещеніи назвали меня Василіемъ. Пріятныя надежды моего родителя оправданы въ младенческія лѣта мои многими признаками талантовъ; правду сказать, можно было видѣть ихъ равно во всѣхъ моихъ товарищахъ; однакожь батюшка видѣлъ ихъ только во мнѣ одномъ, и заключилъ, что должно употреблять отличное стараніе о моемъ воспитаніи. Онъ не жалѣлъ на то никакихъ издержекъ. Я слышавъ много разъ, что для меня готовится славная участь, началъ было прилѣжно заниматься науками; но скоро узналъ, что выхваляемыя дарованія мои много препятствовали успѣхамъ. Мнѣ все казалось, что еще довольно останется времени научиться; полагаясь на будущее достоинство свое, я безпрестанно откладывалъ впередъ, и мало заботился объ ученіи. Привычка откладывать до завтра осталась во мнѣ на всегда; она родилась отъ излишняго самонадѣянія, и часто доводила меня до посрамленія.

Опредѣлившись въ публичныя Училища, я слѣдовалъ примѣру лѣнивцовъ, и при всемъ дарованіи своемъ, чаще всѣхъ товарищей получалъ выговоры за уроки. Вмѣстѣ съ лѣтами усиливалась во мнѣ привычка къ лѣности, отъ того что слушалъ необдуманные разговоры, а особливо мнѣнія моего родителя. Одинъ разъ побранивши меня за лѣность, онъ сказалъ своему пріятелю: «Остряки всѣ таковы. Здѣсь видите третіе изданіе превосходной книги; повѣрите ли, что Сочинитель ея въ молодыя лѣта былъ сущимъ лѣнивцемъ, и все откладывалъ до завтра, точно какъ мой повѣса? а теперь какъ прославился! Онъ самъ

часто признавался мнѣ, что сколько разъ ни предпринималъ надъ чѣмъ-нибудь прилѣжно потрудиться, никогда не могъ успѣть, какъ хотѣлось; что всегда ожидалъ вдохновенія, и писалъ не дѣлая себѣ ни малѣйшаго принужденія. Почти всѣ люди одаренные выспреннимъ геніемъ, бываютъ лѣнивы.» — Я старался употреблять въ свою пользу подобные разговоры, и соединилъ въ головѣ своей понятіе о геніѣ съ понятіемъ о лѣности, такъ что сей предразсудокъ навсегда остался во мнѣ, не смотря на всѣ опыты зрѣлаго возраста. Я лишился награды въ Академіи, потому что не успѣлъ въ надлежащее время переписать стиховъ, мною сочиненныхъ; награжденіе досталось одному тупому невѣждѣ, которой, кромѣ прилѣжанія, не имѣлъ никакихъ отличныхъ качествъ. Всѣ говорили, что стихи моя были гораздо лучше стиховъ моего совмѣстника; такая неудача опечалила батюшку, которой, видя, что всему причиною собственная его потачка, захотѣлъ вдругъ перемѣнить обхожденіе со мною. Онъ написалъ трактатъ на семи листахъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ откладыванія. — «Пока не выучишь всего этого наизусть — сказалъ мнѣ батюшка — до тѣхъ поръ не дамъ тебѣ ни ѣсть, ни пить.» — Я въ самомъ дѣлѣ выучилъ длинное сочиненіе, которое стоило моему отцу великихъ трудовъ, однакожь не могъ исправиться; чувствовалъ вину свою, но не имѣлъ довольно твердости перемѣнить поведеніе. — Скоро потомъ я пропустилъ случай устроить себѣ состояніе. Открылось мѣсто, которое моглобъ быть для меня весьма прибыточнымъ. Оно зависѣло отъ одного знакомаго мнѣ Лорда. Полагаясь на общую молву о моихъ дарованіяхъ, онъ поручилъ мнѣ написать Рѣчь, которую долженъ былъ произнести въ Парламентѣ. Я уже выдумалъ основу и расположеніе; но по несчастной привычкѣ своей, не принимался писать, откладывая отъ одного дня до другаго. Приближался срокъ, а Рѣчь все еще была не готова. На канунѣ пришли ко мнѣ пріятели, съ которыми надлежало заняться. Я начиналъ безпокоиться; но надѣясь на свой талантъ, подумалъ себѣ, что часа въ два успѣю все сдѣлать. Гости мои просидѣли долго, оставшись одинъ, я почувствовалъ великую слабость, и никакъ не могъ собраться съ мыслями. Рѣшился пораньше встать — но по несчастію проспалъ долго. Въ девятомъ часу пришелъ отъ Лорда слуга за обѣщанною Рѣчью. Не можно описать моего замѣшательства. Я сѣлъ было подлѣ столика, но мысли мои были въ крайней разстройкѣ. Слуга уже съ полчаса дожидался, а я насилу еще написалъ двѣ строчки, очень посредственныя. Посланной то и дѣло напоминалъ, что ему приказано скорѣе возвратиться; отъ нетерпѣливой докуки его увеличивалось мое замѣшательство. Наконецъ, видя совершенную невозможность

сочинить Рѣчь въ столь короткое время, я написалъ къ Лорду записку, въ которой донесъ ему, что внезапная головная боль помѣшала мнѣ исполнить данное обѣщаніе. На ту пору въ самомъ дѣлѣ голова у меня болѣла — отъ досады и безпокойства. Я проклиналъ свою лѣнь, предвидя слѣдствія. Чего я боялся, то и сдѣлалось. Праздное мѣсто отдано другому, и я лишился покровителя; батюшка жестоко укорялъ меня; казалось бы, что сей случай долженъ послужить для меня урокомъ, однакожь готовились новыя приключенія….

Въ числѣ школьныхъ моихъ товарищей находился одинъ, котораго отецъ долженъ былъ отправиться въ Китай съ Лордомъ Макартнеемъ. Я признался ему въ сильномъ желаніи своемъ побывать въ Китайской Имперіи; онъ отвѣчалъ, что въ этомъ удовлетворить меня не трудно, потому что отецъ его самъ ищетъ человѣка, умѣющаго рисовать, а въ этомъ я считался не послѣднимъ; пріятель мой далъ слово поговорить своему отцу. Вообще имѣли выгодное мнѣніе о моихъ способностяхъ, полагая, то я сдѣлаю все, за что ни возьмусь; сіе обстоятельство помогло мнѣ получишь желаемую должность. Батюшка съ прискорбіемъ смотрѣлъ на мои домогательства; никакъ на могъ забыть, что готовилъ меня для духовнаго званія, и надѣялся когда нибудь видѣть меня Епископомъ. Я объявилъ ему, что мнѣ, для усовершенствованія ума, должно обозрѣть различные образы жизни въ странахъ далекихъ, — что механическая наука сочинять проповѣди притупила бы мой разумъ, — что я ощущалъ въ себѣ потребность усовершенствованія, и что одна только борьба съ приключеніями въ состояніи обработать мои дарованія.

Батюшка, видя непреклонную мою рѣшительность, совсѣмъ потерялъ надежду на мое Епископство, однакожь все еще думалъ, что изъ меня выдетъ славный Авторъ; согласился отпустить меня въ Китай, но съ такимъ условіемъ, чтобы я описалъ свое путешествіе по крайней мѣрѣ въ четырехъ Томахъ, съ приложеніемъ гравированныхъ картинокъ. Я безпрекословно обѣщался исполнишь его требованіе, чувствуя въ себѣ искреннее желаніе описать всѣ наблюденія свои бъ занимательной странѣ, которую обозрѣть вознамѣрился.

Имѣя голову наполненную разными проэктами и мечтательными надеждами, я отъ утра до вечера не говорилъ ни о чемъ болѣе, какъ о предпринимаемомъ путешествія; но по своей привычкѣ всѣ нужныя приготовленія откладывалъ до послѣдней минуты. Уже передъ отъѣздомъ я началъ только сбираться. Тутъ наполнилась моя комната чемоданами, мѣшками, тюками, книжками, карандашами, красками, изъ которыхъ надлежало выбирать нужное. Явились купцы, портные, швеи и другіе

ремесленники и ремесленницы; родные и пріятели не хотѣли отпустить меня, не простившись; принесено множество записокъ о разныхъ препорученіяхъ. Мнѣ захотѣлось воспользоваться совѣтомъ глубокомысленнаго Локка, относительно приготовленія книжекъ для ежедневныхъ записокъ о путешествіи; началъ сшивать тетради, и разкладывать ихъ въ такомъ порядкѣ, какой предписанъ великимъ Метафизикомъ. Въ сихъ хлопотахъ прошелъ послѣдній день, наступила ночь, а я ничего еще не сдѣлалъ. Надлежало ѣхать до Портсмута въ легкой почтовой коляскѣ. Всѣ уже сѣли, а ко мнѣ еще не приносили ни бѣлья отъ прачки, ни платья отъ портнаго, и всѣ вещи мои лежали въ безпорядкѣ. Я проклиналъ ремесленниковъ, которые откладываютъ работу, и не выполняютъ даннаго слова. Будучи въ сильномъ движеніи отъ нетерпѣливости, я опрокинулъ чернильницу на приготовленную для дневныхъ записокъ книгу, которой уже нографилъ цѣлую половину; кончилось тѣмъ, что коляска безъ меня уѣхала. Батюшка чрезвычайно опечалился; я подумалъ, что можетъ быть неблагопріятный вѣтеръ помѣшаетъ путешественникамъ отравиться, — что кто нибудь изъ Посольской свиты подобно мнѣ не успѣлъ выбраться, и что приѣду въ самую пору. Тоже самое твердилъ я моему батюшкѣ, и успокоилъ его. Онъ согласился отложить отъѣздъ до завтра, потому что ранѣе не льзя было выбраться. И такъ на другой денъ я пустился въ дорогу; тотъ часъ по прибытіи въ Портсмутъ узналъ, что корабли Индостанъ и Ліонъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ отплыли въ море. Какая несносная досада! я съ ума сходилъ отъ печали, услышавъ, что небольшое судно отправится въ путь съ нѣкоторыми Посольскими вещами, я стремглавъ побѣжалъ къ пристани, нанялъ дорогою цѣною лодку, и приплылъ къ судну въ самую ту минуту, когда поднимали на немъ паруса.

Плаваніе наше было благополучно; жаль только, что я не могъ пользоваться тѣми выгодами, которыя надѣялся имѣть отъ обращенія съ учеными людьми, находившимися на корабляхъ съ Посольствомъ. Мы догнали ихъ подлѣ Суматры; тогда то я почувствовалъ всю важность своей потери! Любопытство не давало мнѣ покоя, когда разсказывали о сдѣланныхъ разныхъ наблюденіяхъ въ продолженіе плаванія. Болѣе всего жаль было мнѣ рѣдкихъ предметовъ Натуральной Исторіи, которыми можно бы украсить будущее мое сочиненіе; однакожь я утѣшалъ себя надеждою, что въ столь славной Имперіи, какова Китайская, найду множество предметовъ, которые съ избыткомъ вознаградятъ мою потерю.

Наконецъ мы достигли пристани. Тутъ большую половину ночи я провелъ за работою надъ сочиненіемъ краснорѣчиваго

предисловія къ будущей книгѣ. Когда ложился спать у голова моя наполнена была великими мыслями; мнѣ приснилось, будто Китайской Императоръ, увѣдомясь объ отличныхъ моихъ талантахъ, поручилъ мнѣ воспитывать Принцевъ. Звонъ гонгу разбудилъ меня поутру, что значило, что барки, на которыхъ велѣно везти насъ, отчалили отъ берега. Я поспѣшно одѣлся, выбѣжалъ на бортъ корабля въ самое то время, когда свита сходила на барки — и былъ весьма доволенъ своею исправностію. Когда уже проплыли около двухъ миль, мнѣ вспало на мысль, что было бы очень хорошо срисовать Китайскіе берега; въ тужъ минуту я бросился за карандашемъ и бумагою — но, увы! карандашь и бумага остались въ кораблѣ на постелѣ. Желая всегда имѣть ихъ при себѣ, я держалъ то и другое въ чемоданѣ. На канунѣ ввечеру для памяти положилъ связку въ головахъ; по утру, спѣша одѣваться, забылъ ее, а слуги, ничего не зная о бумагѣ, взяли только чемоданъ. По крайней мѣрѣ я постарался сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на бумажныхъ лоскуткахъ, не сомнѣваясь, что послѣ можно будетъ весьма легко составить нѣчто полное, а рисунки сдѣлать наизусть. — Мы пріѣхали въ Пекинъ, гдѣ помѣстились въ великолѣпномъ домѣ, однакожь намъ не дозволяли выходить со двора ни на одинъ шагъ. Насъ посѣщали Мандарины, о которыхъ совсѣмъ нечего писать. Они безпрестанно дѣлали намъ однѣ и тѣже привѣтствія, такъ что даже переводчикамъ надоѣло повторять, что уже много разъ говорено было. Довольно сказать, какъ одинъ изъ Мандариновъ входитъ въ комнату, какъ поздравляетъ, какъ машетъ опахаломъ, пьетъ чай; всѣ одинъ на другаго совершенно походятъ. Я началъ уже думать, что не стоило труда ѣздить такъ далеко, чтобъ увидѣть то, о чемъ можно имѣть достаточное понятіе, посмотрѣвши нѣсколько разъ Китайскія тѣни? Одинъ только человѣкъ, котораго я видѣлъ, заслуживаетъ вниманіе: онъ говорилъ по французски, и не походилъ на Мандариновъ. Это былъ Экс-Эзуитъ, прежній Миссіонарій, которой, отправляя свою должность, умѣлъ понравиться Двору, и вступилъ въ службу. Сколько этотъ казался занимательнымъ, столько прочіе были несносны. Мнѣ удалось разспросить его о свойствахъ и нравахъ китайцевъ. Я не могъ насытишься его бесѣдою; столь была она пріятна и поучительна!

Наконецъ намъ объявлено, что Императоръ ожидаетъ Посольства въ Еголѣ. Мысль объ описаніи садовъ сего очаровательнаго жилища пробудила мои таланты. Я вознамѣрился описать ихъ слогомъ піитическимъ, но такъ, чтобы въ немъ свѣтились историческія, философическія и моральныя картины Китайскаго Государства.

Пріѣхали въ Еголъ. Тутъ занялись приготовленіями къ аудіенціи; къ тому еще не было удобнаго мѣста для писанья, и я не могъ разложить дорожныхъ своихъ замѣчаній. Карманы мои были наполнены бумажными лоскутками, на которыхъ я сокращенно записывалъ свои наблюденія. Не одинъ разъ раждалась во мнѣ охота привести ихъ въ порядокъ — но никогда не удалось того сдѣлать. Написанное карандашемъ большею частію стерлось. Не смотря на то, я собралъ, что можно было, и все спряталъ съ подушками въ чемоданъ; казалось, что записки мои долженствовали быть сбережены въ цѣлости.

Спустя нѣсколько дней, Посольству велѣно обратно ѣхать въ Пекинъ. Прибывши въ сію столицу, мы тотчасъ получили другое повелѣніе немедленно выѣхать изъ Китайскаго Государства. Насилу удалось намъ выпросить себѣ двудневную отсрочку.

Во все время путешествія изъ Пекина въ Кантонъ, я былъ нездоровъ и чувствовалъ нужду въ отдыхѣ; сверхъ того пришла мнѣ охота ловить удою рыбу; въ хорошую погоду большую часть дня проводилъ я въ сей невинной забавѣ. Однакожь я не забывалъ и о томъ, что надлежало привеети въ порядокъ мои замѣчанія. Много разъ я принимался за чемоданъ; но можно ли на кораблѣ думать объ ученыхъ трудахъ, которые требуютъ тишины и спокойства? можно ли писать при безпрестанномъ крикѣ матросовъ, при частыхъ посѣщеніяхъ, и всегдашнихъ забавахъ пассажировъ? Наконецъ мы приплыли къ берегамъ Англіи, — а я не вынималъ ни разу своихъ лоскутковъ, на которыхъ большая часть письма уже стерлась.

Не смотря на то, я тѣшился мыслію, что пріѣхавши домой, на досугѣ успѣю все сдѣлать. Въ первые дни не было ни минуты свободной; посѣщенія за посѣщеніями! множество любопытныхъ не давало мнѣ покоя; всѣмъ хотѣлось разговаривать съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ изъ Китая. Могъ ли я быть нечувствителенъ къ такимъ домогательствамъ? Мнѣ казалось, что не прилично сидѣть запершись тогда, какъ имѣю случай наслаждаться удовольствіемъ самолюбія, и пользоваться обстоятельствами, которыя заставляютъ людей просвѣщенныхъ и знатныхъ искать знакомства со мною. Отецъ мой безпрестанно напоминалъ о сочиненіи, потому особливо, что многіе молодые люди, бывшіе при Посольствѣ, готовились издавать описанія своихъ приключеній въ путешествіи. Мы знали, что кому прежде удастся выдать такое сочиненіе, тотъ болѣе всѣхъ получитъ прибыли.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ нашего пріѣзда, объявлено чрезъ Газеты, «что Описаніе путешествія Посольства въ Китай отдано уже въ печать. Оно содержитъ въ себѣ любопытныя подробности о

дѣяніяхъ, нравахъ и обыкновеніяхъ Китайцевъ, о городахъ, зданіяхъ, садахъ и проч.» Отецъ мой поблѣднѣлъ отъ гнѣва, прочитавши сіе извѣстіе. «Вотъ несчастныя слѣдствія привычки откладывать все до завтра! — сказалъ онъ: къ чему служатъ способности, таланты! для чего потеряны издержки на воспитаніе! Проклятая лѣнь, ты всему причиною!»

Сей упрекъ сильно тронулъ меня; я увѣрилъ батюшку, что съ завтрашняго дня прилѣжно займусь работою, и окончу ее въ короткое время. Въ самомъ дѣлѣ на другой день я принялся выкладывать изъ чемодана бумаги. Но, увы! съ чемъ можно сравнить мое огорченіе, когда я увидѣлъ, что всѣ связки были замочены морскою водою! Бумага, заплѣснѣвшая и слѣпившаяся, при самомъ легкомъ прикосновеніи раздиралась, и весьма немного осталось на ней словъ написанныхъ. Не льзя было составить ни одной мысли; насилу, съ великимъ трудомъ удалось мнѣ добраться до нѣкоторыхъ значеній, которыя могли пригодиться. Часто случалось, что помучившись очень долго, отгадывалъ самую малость. Напримѣръ, полдня потеряно на открытіе, что значатъ слова: гоя — алла — гоя; наконецъ вспомнилъ я, что въ Китаѣ работники повторяли слова сіи, когда тянули по рѣкѣ нашу лодку. Я увидѣлъ, что можно было бы обойтись безъ сего замѣчанія. Много встрѣчалось и такихъ словъ, которыхъ значенія никакъ не вспомнилъ, а отъ того и прочее ни къ чему не служило. Такимъ образомъ матеріалы, которые могли бы составить большую книгу въ листъ, чрезвычайно уменьшились. Однакожь я рѣшился дополнишь недостатокъ собственными замѣчаніями, политическими и моральными. Въ Лондонѣ, казалось мнѣ, трудно работать, отъ того что безпрестанно мѣшаютъ; я вознамѣрился на нѣкоторое время отправишься къ своему дядѣ Лову, весьма доброму человѣку, которой жилъ въ провинціи, и держалъ поле на арендѣ. Я имѣлъ многія причины надѣяться, что прибытіемъ своимъ обрадую все его семейство; однакожь примѣтилъ великую перемѣну. Родственники приняли меня очень холодно. Люція, дочь моего дяди, которую прежде назначали мнѣ въ замужство, была въ великомъ замѣшательствѣ и смущеніи; а это меня крайне обезпокоило.

На другой день поутру маленькіе мои братья — которые въ то время спали, когда я пріѣхалъ — окружили меня съ разными требованіями. «Вы привезли мнѣ маленькую тросточку? — а мнѣ маленькой барабанъ? — а мнѣ Китайскую куклу?» — Я застыдился, и не зналъ, что отвѣчать имъ. — «Не безпокойте его! — сказалъ Г. Ловъ: кто въ семь лѣтъ не могъ найти свободной минуты написать нѣсколько строчекъ къ своему дядѣ; тому вѣрно недосугъ было думать о препорученіяхъ братьевъ.»

Я извинялся у какъ могъ, и открылся чистосердечно, что всѣ покупки увязаны были въ коробочкѣ, которая по неосторожности упала съ корабля въ воду. Люція примѣтивъ мое огорченіе, сказала, что ни мало не жалѣетъ о своемъ опахалѣ, которое и безъ того могло бы излохматься. Она старалась помирить меня съ отцемъ своимъ и матерью — но не успѣла. Я даже замѣтилъ, что ея предстательство еще болѣе раздражало ихъ.

Будучи въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, я принялся за писанье; но едва успѣлъ начать пять или шесть главъ, услышалъ, что вышло въ свѣтъ сочиненіе Графа Георгія Стаутона. Всѣ надежды мои рушились. Въ крайнемъ безпокойствѣ я оставилъ домъ дяди. Батюшка осыпалъ меня укоризнами, которыхъ я былъ достоинъ по всей справедливости; онъ почиталъ меня погибшимъ человѣкомъ. Я внутренно терзался; чувствовалъ, чего лишаюсь, теряя Люцію, и твердо рѣшился перемѣнить образъ своей жизни; но исполненіе сего предпріятія все откладывалъ до завтра.

Черезъ два года батюшка скончался. Не могу изобразить, сколь мучительно было для меня грызеніе совѣсти: я зналъ, чего стоили ему огорченія, мною причиняемыя; видѣлъ, что его здоровье отчасу слабѣло съ той самой минуты, когда онъ потерялъ надежду на будущую мою знаменитость.

Я занялся новымъ проэктомъ, которой, по моему мнѣнію, обѣщалъ доставить мнѣ легчайшими способами и славу и богатство. Дѣло состояло въ изобрѣтеніи новой системы Государственныхъ доходовъ, которую вознамѣрился я представить правительству. Меня ободряли особы, имѣвшія у Двора довѣріе. Казалось, что судьба мнѣ благопріятствовала, потому что Министерство приняло проэктъ мой во всемъ его пространствѣ; какъ же я огорчился, узнавши, что одинъ бездѣльникъ присвоивалъ себѣ проэктъ, и отнималъ у меня плодъ трудовъ моихъ! Министръ взялся разобрать наше дѣло; намъ обоимъ надлежало явиться къ нему для представленія своихъ доказательствъ. Несчастной случай лишилъ меня всего; Я проигралъ дѣло свое, за неявкою для объясненія. Опредѣлено было разсматривать наше дѣло въ десятомъ часу; я пришелъ въ половинѣ одиннадцатаго — и получилъ отказъ. Между тѣмъ противникъ мой выигралъ, потому что пришелъ въ самую пору. Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, почти не имѣя с_п_о_с_о_б_о_в_ъ пропитать себя, я пошелъ домой; безъ всякаго намѣренія забрелъ въ публичной кофейной домъ въ ту самую минуту, когда нѣкто читалъ въ Газетахъ слѣдующее: «Ежели Г. Ловъ, или наслѣдникъ его, соблаговолитъ явиться къ Г-ну Григорію, то узнаетъ о весьма важныхъ для себя

обстоятельствахъ.» Будучи въ крайнемъ удивленіи, я самъ прочиталъ статью; не откладывая до завтра, побѣжалъ прямо къ назначенному мѣсту, и узналъ, что одинъ дальній мой родственникъ, весьма богатой человѣкъ, оставилъ мнѣ по завѣщанію все свое имѣніе, за то что я одинъ только изъ всей родни не стоилъ ему никакихъ издержекъ. Надобно признаться, что лѣность въ семъ только случаѣ послужила мнѣ въ пользу. Если бъ я былъ поворотливѣе, то вѣрно посѣтилъ бы своего родственника; онъ могъ бы сдѣлать мнѣ какое-нибудь одолженіе, и я не получилъ бы наслѣдства.

Я принялъ имѣніе, получилъ руку Люціи, старался награждать любезную свою за ея ко мнѣ привязанность, и былъ счастливъ. Въ продолженіе нѣкотораго времени я велъ себя осторожно, и признаюсь, что я тѣмъ обязанъ благоразумнымъ совѣтамъ жены моей, и той власти, которую она умѣла взять надо мною.

Недостатки и дурныя качества, которыя препятствовали человѣку на пути къ счастію, бываютъ едва примѣтны когда судьба его перемѣняется. То же самое сдѣлалось и со мною. Обыкновенная нерасторопность моя и привычка откладывать все до завтра подавали случай пріятелямъ моимъ забавно шутить надо мною; но уже никто не смѣлъ упрекать меня, — какъ бывало прежде. Лѣность мою называли милою безпечностію, готовностію на все соглашаться; оба сіи качества, по увѣренію друзей моихъ, дѣлали меня несравненно любезнѣе. Нѣсколько времени я наслаждался совершеннымъ блаженствомъ, и не видалъ никакого неудобства отъ дурной привычкѣ, которая все еще господствовала надо мною. Вздумалось мнѣ собрать въ одну книгу все лучшее, что ни было написано о воспитаніи дѣтей. Сію книгу готовилъ я для маленькаго своего сына, въ которомъ уже оказывались способности и дарованія, выше его возраста. Я чрезвычайно любилъ малютку, и заключалъ о будущей судьбѣ его то же, что мой отецъ обо мнѣ предсказывалъ. Однакожь я твердо рѣшился предостеречь его отъ привычки, которая дѣлала мнѣ великія огорченія въ жизни.

Въ одинъ день, когда я занимался выписками, жена пришла сказать мнѣ что маленькая дочь Г-на Нуна умерла отъ натуральной оспы, не смотря на то, что передъ тѣмъ за четыре года ей была привита искуственная въ одно время съ моимъ сыномъ, и вопреки увѣренію Доктора, которой утверждалъ, что оспа благополучно пристала къ обоимъ робенкамъ. Жена моя крайне безпокоилась; просила неотступно привить нашему сыну коровью оспу. Въ тотъ самой день хотѣлъ у насъ обѣдать одинъ Докторъ у нашъ пріятель; но по несчастію не пріѣхалъ. Я

вознамѣрился было писать къ нему рано поутру, и по своему обыкновенію запамятовалъ. Люція совѣтовала обстоятельнѣе освѣдомиться о дѣйствіяхъ коровьей оспы, которая тогда еще не была введена въ общее употребленіе. Я обѣщался сходить къ одному изъ своихъ пріятелей у котораго дѣтямъ привита была оспа. Люція неотступно просила не терять времени, и чрезвычайно безпокоилась, потому что оспа свирѣпствовала въ городѣ. Я представлялъ ей, что одинъ день не сдѣлаетъ большой розницы; прибавилъ, что немедленно пойду освѣдомиться къ своему пріятелю, и что разспросивши обо всѣхъ подробностяхъ, можемъ обойтись и безъ Доктора. Жена согласилась. Ахъ! она не безъ причины требовала, чтобъ я не откладывалъ. Не могу понять, какъ могъ я просидѣть два часа на одномъ мѣстѣ, доканчивая выписку свою изъ Эмиля. Наконецъ я пошелъ къ пріятелю. За минуту до моего прибытія, дѣти поѣхали прогуливаться. Надобно было дожидаться два или три часа. Я рѣшился отложить все дѣло до завтра. Но, увы! сія отсрочка имѣла для меня пагубныя слѣдствія. Сыну моему привили оспу однимъ или двумя днями позже надлежащаго. Ядъ натуральной оспы уже распространился въ крови его, и началъ дѣйствовать. Бѣдной робенокъ черезъ нѣсколько дней умеръ на рукахъ матери, которая скоро потомъ занемогла жестокою горячкою. Видя, что Люція безпрестанно томится и отчасу слабѣетъ, я вознамѣрился перевезти ее въ деревню. Мы согласились было продать домъ, и купить себѣ помѣстье. Но несчастію, я забылъ снова застраховать домъ свой въ пожарномъ обществъ; въ десятой день по прошествіи перваго срока онъ сгорѣлъ со всѣмъ, что въ немъ ни было.

Теперь приступаю къ описанію самаго любопытнѣйшаго приключенія въ моей жизни. Случай странный, непредвидѣнный сдѣлалъ чрезвычайную перемѣну въ моемъ состояніи. Лишь только. . . .

(Авторъ хотѣлъ продолжить описаніе своихъ приключеній, откладывалъ со дня на день — и не кончилъ: по сей причинѣ, и намъ сказать о немъ болѣе нечего.)

(Съ Польскаго перевода.)